

аристократической спеси и отношения к другим сословиям как быдлу;

не ограниченной правовыми нормами эксплуатации труда (особенно детского и женского);

неадекватного применения репрессивных мер по отношению к подвластному населению (Кровавое воскресенье, Ленский расстрел) и пр.

Таким образом, невероятными усилиями, фактически подвигом наших прадедов, дедов и отцов, положивших свои головы в большинстве своем абсолютно добровольно на алтарь этой победы, было построено общество, величие которого до сих пор не дает спокойно спать нашим цивилизационным конкурентам.

И об этом все чаще и все громче говорят политики, ученые, практики, в том числе юристы. В связи с этим нельзя не вспомнить об инициативе ряда российских юристов о том, что пришла пора отказаться от приоритета международного права над национальным. Если данная идея будет реализована, можно констатировать, что сделан первый шаг возвращения к основам правового регулирования, присутствующим данному пространству.

Вторым шагом может быть реабилитация идеологии как атрибута государственности. Боязнь ее – один из перегибов недавнего прошлого, мешающий здоровой идеологической самоорганизации и выработке целостного представления о содержании национально-государственного бытия.

Разумеется, это будет не идеология мировой революции или построения коммунизма в отдельно взятой стране, это будет система идей, сформулированных в рамках цивилизационных ценностей, присутствующих данному пространству, ориентация на которые в критические моменты истории всегда спасала их носителей.

1. Сирота Н.М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/44.html (дата обращения: 11.07.2018).

2. Лазарев В. Общая теория права и государства библиотека юриста [Электронный ресурс]. URL: www.gumer.info/bibliotek/Buks/Pravo/.../04.php (дата обращения: 11.07.2018).

3. Соколенко В.Г. Глобальное государство капитала – на пути в ноосферу. М.: Известия, 2005. С. 186.

4. Чубенко Д.С. Ценности современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unn.ru/fsn/k2/students/hopes/21.htm> (дата обращения: 11.07.2018).

5. Фоменко В.Т., Кульпина Т.И. Система ценностей современного школьника // Ученик в структуре личностно ориентированного образования. Ростов, 1997. С. 45–56.

6. Бастрыкин А. Исправленному верить. Рос. газ. 28 апр. 2015 г.

УДК 340.1

И.Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ЦЕННОСТИ И ПРАВО В ПОСТКЛАССИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Постклассическая картина мира, включающая в качестве взаимодополнительных моментов онтологию, гносеологию и аксиологию, существенно отличается от классического образа мира. Среди множества таких отличий наиболее важными представляются два: мир не отделим от картины мира и ценностное конституирование социальности (включая все модусы социальности: право, экономику, политику и т. д.). Данные взаимосвязанные отличия следует рассмотреть подробнее.

Классическое мировоззрение, включая науковедение, прежде всего исходит из объективности внешнего мира относительно познающего (или хотя бы воспринимающего) его человека. Отсюда идеал научного познания – элиминировать все субъективные (и ценностные) факторы, искажающие аподиктичность описания, объяснения и предсказания закономерностей, образующих суть реальности. Неклассическая философия показала зависимость объекта познания от средств его описания и объяснения и от позиции субъекта, производящего манипуляции с ним. Постклассическое (или постнеклассическое) науковедение поместило неустранимый «субъективный фактор» в исторический и социокультурный ценностный контекст, который задает содержание (или, как минимум, детерминирует, обуславливает) научное познание. Даже если полагать изыскания социологии как науки (особенно эдинбургской школы) неуместным радикализмом («вульгарным социологизмом», как считают некоторые), тем не менее отрицать «лингвистический поворот», который изменил представления о социогуманитарной науке и саму науку, сегодня невозможно.

После «лингвистического поворота» (его точнее следовало бы назвать семиотическим) реальным можно считать только то, что воспринято и зафиксировано в знаковой форме. Если о чем-то человечество не знает, то этого «что-то» не существует, даже если через некоторое время окажется, что это «что-то» все это время незримо присутствовало. В этой связи уместно перефразировать знаменитую «теорему» У. Томаса (как обозначил его афоризм Р. Мертон) следующим образом: ситуация реальна, если она воспринимается как реальная.

Отсюда важный вывод: объективно существует только то, что воспринимается как объективно существующее. Или можно сказать по-другому: объективное – это то, чему приписывается качество объективного. По этой причине сегодня объективное – это всегда интресубъективное. Как доказано в современной (можно сказать, в постклассической) психологии, на поведение человека влияют не сами по себе внешние (объективные, материальные) факторы, а то, как они воспринимаются (интериоризируются) психикой. И это характерно не только для индивидуального, но и для социального познания или восприятия мира.

Все вышеизложенное дает основание заявить: мир не стал «картиной», но существует как картина мира, а «юридический мир» не существует вне или без юридической картины мира. Важнейшую роль в конститировании мира (и юридического) играют ценности, в том числе правовые. Именно ценности задают контекст, определяющий содержание картины мира, и одновременно выступают основанием и критерием селекции изменений, постоянно происходящих в картине мира. Более того, именно правовые ценности входят в механизм селекции социальных явлений и процессов как правовых. Другими словами, правовые ценности (ценности, относящиеся к миру права) являются важным элементом источника права как механизма воспроизводства (традиционного и инновационного) правовой реальности. Так – социологически – понимаемый источник права как деятельность власти (элиты и референтных групп) и народа производит выработку юридических значений, которые и определяют границы «юридического». Приписывание (атрибуция) юридического значения переводит некоторые наиболее важные с точки зрения основных акторов политико-правового процесса социальные явления и процессы в разряд юридических со всеми вытекающими отсюда последствиями. Критерий или основание для такого приписывания, а тем самым и для воспроизводства правовой системы общества задается господствующими ценностями.

Так, определение оснований уголовной правовой политики – криминализации – связано не с «объективной» общественной опасностью тех или иных социальных явлений и процессов, а с тем, как именно основные социальные группы (их представители) данного социума оценивают сегодня эти социальные феномены, и какое влияние они могут оказать на властный процесс формального закрепления составов преступлений. Не существует общественной опасности как таковой – утверждается в постмодернистской криминологии и девиантологии. Более того, не существует «хороших» или «плохих» людей, их действий и последствий как некой данности, а существует оценка соответствующих людей, их действий и последствий (сегодня в большинстве стран мира оцениваются не люди как таковые, а их поведение). А такая

оценка, всегда релятивная и конвенциональная, дается с позиций господствующих сегодня в данном социуме ценностей.

Таким образом, конструируемое властью представление об общественной безопасности как важнейшей ценности постсовременного общества выступает основанием уголовно-правовой политики (в широком смысле слова включающей политику деятельности всей правоохранительной и судебной системы). Такое представление навязывается обществу как «реальные угрозы» и тем самым легитимируется, как правило, ужесточение уголовно-правовой политики. Это не означает «мнимость» всех угроз, закрепляемых в составах преступлений. Однако даже убийства в разные исторические периоды и в разных культурах-цивилизациях квалифицируются по-разному: например, ритуальные убийства или убийства на дуэли не всегда оценивались как преступления, а лишение жизни другого человека на войне и сегодня не считается убийством. В любом случае общественная опасность как материальный признак преступления – это всегда оценка соответствующих деяний с позиций господствующих в данной культуре (в данном социуме) ценностей.

Применительно к проблеме общественной опасности (и безопасности) достаточно подробный анализ такого процесса как результата борьбы за право навязывать свое представление (установить символическую гегемонию) осуществлен сторонниками копенгагенской школы международных отношений. Группа исследователей Копенгагенского университета в 90-х гг. XX в. обратила внимание на то, что с точки зрения современной политической науки невозможно указать, какая из угроз более реальна и значима, а необходимо акцентировать внимание на характере политических дискуссий по проблемам общественной безопасности, т. е. почему именно она (эта угроза) оценивается таким образом [1]. В связи с этим заявляется, что невозможно дать универсальное определение безопасности или перечень всех чрезвычайных ситуаций. Важнее исследовать, как и почему некоторые ситуации квалифицируются как чрезвычайные, угрожающие общественной безопасности и как изменяется их интерпретация со временем. Так, истерия в массовом общественном сознании, во многом инициированная СМИ по поводу события 11 сентября 2001 г., привела к введению новых запретов и контролирующим инстанций, но не обеспечила предотвращение новых терактов. Американский исследователь Д. Кэмпбелл еще в 1992 г. писал, что опасность не есть объективное состояние. В мире существует множество опасностей: инфекционные болезни, несчастные случаи, политическое насилие, имеющие чрезвычайные последствия. Но не все они интерпретируются как реальные угрозы. Все современное общество пронизано угрозами и опасностью. События или фак-

торы, которые получают такую оценку, интерпретируются с помощью измерения опасности. Достоверность этого процесса зависит от субъективного восприятия остроты этих «объективных» факторов [2, р. 1–2]. Выявление тех из них, которые квалифицируются экспертами и населением как реальные угрозы и возможные способы реагирования на них и их предотвращения, – важнейшая задача современной науки.

В то же время ценности не только участвуют в конструировании и конституировании правовой реальности, но и имманентны ее – правовой реальности – функционированию, о чем подробно и обстоятельно писал Г.В. Мальцев [3]. Как именно? Ценности детерминируют мотивацию поведения человека, выбор того или иного варианта поведения, оценку своего поведения и действий окружающих. По этой причине они должны учитываться в теории и организации правоприменительной практики. Однако, как утверждает С.А. Бочкарев, «показатели эффективности правоохранительной деятельности не соотносятся с „качеством жизни“ как важнейшим индикатором, который используется в социологии, экономике, политике и других социальных науках для оценки степени удовлетворения материальных и духовных потребностей человека в обществе» [4, с. 149–150]. Именно в этом – отказе учитывать ценности субъектов уголовного права – видит кризисное состояние этой науки один из немногих представителей философии уголовного права.

Важной проблемой является выяснение того, чем именно ценности (включая правовые ценности) постиндустриального общества отличаются от ценностей общества эпохи модерна. Более того, а существуют ли сегодня «господствующие» в каком-либо социуме ценности или тем более «общечеловеческие» ценности?

Эпоха постмодерна (о чем писал Ф. Ницше, не используя этот термин) не просто проблематизирует ценности, но обесценивает их. «Законодательный разум» эпохи модерна, легитимировавший научной рациональностью общественный порядок, в ситуации *postmodernity*, одним из проявлений которой является утрата наукой своего привилегированного статуса, превратился в «интерпретативный разум», вечно сомневающийся в принятии решения и его последствиях. Сегодня «нет великих Вождей, указывающих, что следует делать, и освобождающих вас от ответственности за последствия ваших действий; в индивидуализированном мире есть только другие личности, с которых можно брать пример, пытаясь справиться со своими проблемами; при этом, правда, вся ответственность за последствия, вытекающие из доверия, оказанного тому, а не другому примеру, ложится на вас самих» [5, с. 133]. Более того, «общество потребления», в котором доминиру-

ют экономические измерения ценностей (блага), приводит к тому, что «предлагаемые и находящиеся в обороте жизненные смыслы не могут быть рассортированы на „верные“ или „ошибочные“, истинные или мошеннические. Все они дают удовлетворение, различающееся эмоциональным наполнением, глубиной и длительностью, но любому из них далеко до подлинного удовлетворения потребности. <...> Торговля жизненными смыслами – это самый конкурентоспособный из рынков, и, учитывая, что „предельная полезность“ предлагаемых товаров вряд ли снизится, следует предположить, что спрос, диктующий конкурентоспособное предложение, никогда не исчезнет» [5, с. 4–5].

Так что же происходит с ценностями в ситуации постмодерна? Они не просто становятся постиндустриальными (когда самореализация и интерес вытесняют материальный достаток), но релятивизируются, их содержание выхолащивается в стремление к сиюминутному успеху [5, с. 194, 200]. Сегодня невозможно наделить каким-либо позитивным содержанием универсальные ценности в безопасности, справедливости или самовыражении. Это вытекает из невозможности рационального обоснования ценностей. Моральные суждения, утверждает А. Макинтайр, «будучи выражением установки или чувства, ни истинны, ни ложны. И согласие по поводу моральных суждений не гарантируется никаким рациональным методом, потому что такого метода нет. Оно может быть гарантировано, если вообще это возможно, некоторыми определенно нерациональными воздействиями на эмоции или установки тех, кто не согласен с каким-либо моральным суждением. Мы используем моральные суждения не только для того, чтобы выразить наши чувства и установки, но и для того, чтобы произвести такие воздействия на других» [6, с. 19]. По этой причине «утверждение некоторого универсального принципа представляет в конечном счете выражение предпочтения индивидуальной воли, и над этой волей эти принципы имеют и могут иметь только такую власть, которую люди возлагают на себя принятием этих принципов» [6, с. 31]. Отсюда общий вывод: моральные дебаты «незавершены и неразрешимы», так как проистекают из «разнообразия и несоизмеримости концепций, делающих содержательными основные предпосылки, из которых исходят в таких дебатах их сторонники» [6, с. 305]. «Моральный дискурс находится сегодня под подозрением, – полагает Б.В. Марков, – так как не существует убедительной теории обоснования абсолютных ценностей. К этому добавляется интенсивный рост разного рода прикладных и профессиональных этик. На самом деле превращение ценностей в объект критической рефлексии означает, что общество нашло иные формы достижения единства, и сегодня оно достигается не моралью, а массмедиа» [7, с. 77].

Постсовременный мультикультурный, глобализирующийся мир, таким образом, ставит под вопрос существование на уровне признания и воплощения в практиках общечеловеческих ценностей. Уточним это важное положение. Для бытия человека имманентными являются представления о добре и зле, хорошем и плохом и т. д., составляющие содержание морали и этики. Содержательно универсальных принципов морали – что есть хорошо, а что плохо – сегодня нет и быть не может, хотя невозможно отрицать существование абстрактного убеждения в том, что каждый человек стремится к благу, что добро все же присутствует (хотя бы в ограниченном размере) в нашем «лучшем из миров». Это связано с ограниченностью ресурсов (в широком смысле слова) и перманентным конфликтом по поводу их распределения. То, что хорошо для бедняка, не может быть тем же самым для богача, хотя может быть найден временный компромисс между ними. Несомнимые религиозные ценности (например, когда возникает вопрос: что строить на месте разрушенного дома – мечеть или кирху, допустимы ли карикатуры на пророков и т. п.?) стали основанием «конфликта цивилизаций», предсказанным С. Хантингтоном.

Таким образом, содержание ценностей конструируются «властью идеологии», которая, как пишет С. Люкс, «принимает разные формы... от прямой цензуры и дезинформации до различных институциональных и персональных способов инфантилизации суждения, продвижения всех вариантов отказа от рациональности и поддержания иллюзорного мышления, среди которых „натурализация“ того, что могло бы быть иным, и сокрытие источников желаний и верований» [8, с. 212–213]. Такие «механизмы господства» включают, по его мнению, «внедрение представлений (и последующий надзор за их укоренением) о сексуальной и ментальной „нормальности“, о стандартах моды и мифах красоты, а также о гендерных ролях и возрастных категориях и, кроме того, об идеологических границах например, между приватным и публичным, рыночным и нерыночным; это также бесчисленные формы и способы подавляющего навязывания стереотипов, форматирования и подачи информации в масс-медиа и в политических кампаниях и пр.» [8, с. 176]. Их изучение, в том числе того, как они влияют на право, – важнейшая задача постклассической науки, включая юридическую.

1. Buzan B., Woewer O., Wilde J. Security: a New Framework for Analysis. London : Boulder, 1998. 239 p.
2. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics Identity. 2 nd ed. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1998. 312 p.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 800 с.
4. Бочкарев С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса : монография. М. : Норма, 2019. 424 с.

5. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.
6. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Акад. проект, 2000. 384 с.
7. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб. : Наука, 2011. 667 с.
8. Люкс С. Власть: радикальный взгляд. М., ГУ-ВШЭ, 2010. 240 с.

УДК 340.1

В.П. Шиенок, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела науки и международных связей БИП – Института правоведения

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ЧЕЛОВЕКА С ПОЗИЦИЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

К числу белых пятен современной национальной, и не только, юриспруденции, без всякого сомнения, следует отнести вопросы концептуального подхода и теоретической разработанности понимания человека как универсальной системы их методологии. Такое положение характерно и для общеправового, и для отраслевого, и для прикладного уровней юридической науки. Необходимо констатировать, что такое положение является своеобразным наследством, доставшимся нам от советской юридической науки, которое автоматически перекочевало в отечественную теорию права в соответствии с естественным ходом истории современной Беларуси. Мы неоднократно обращали внимание на эту системную проблему современной юриспруденции, существенно тормозящую развитие всей юридической мысли. Резюмируя сказанное в публикациях последнего десятилетия, отметим, что давно пришло время включить в содержание предмета исследования теории государства и права изучение человека как сложной саморегулирующейся системы, принципиальных знаний о ее составных частях (элементах) и закономерностях ее функционирования. Без этих знаний развитие юридической теории и практики будет представлять собой, образно говоря, процесс движения по кругу, топтания на месте, выражающийся в бесконечном совершенствовании юридических конструкций, умозрительном схоластическом теоретизировании, перманентном увеличении действующих правовых норм и тому подобных вещах. Именно этот процесс мы наблюдаем сейчас. В рамках старой методологии юридическая наука просто не может иначе. Находясь под влиянием нормативистской школы права, она сконцентриро-